

Шэнь Юй невольно вздрогнул от абсурдности рассуждений Сяо Цзясинь. «Вышедшая замуж дочь — что выплеснутая вода»? Она сама была девушкой, так как же у неё язык поворачивался с таким апломбом изрекать подобные сексистские предрассудки?

Она ведь тоже была дочерью семьи Сяо. И кто же она тогда в собственной классификации? Та вода, что ещё не выплеснута? Или та, что уже стоит на пороге? В любом случае, обе они — «вода», так к чему эти взаимные обиды и попытки уколоть друг друга?

Что касается места на заводе, о котором она упомянула, то это явно были отголоски той истории с переломом ноги старика Сяо.

В сюжете оригинального романа примерно в это время вскрылось, что временная замена на производстве — затея ненадёжная, и семья решила окончательно прибрать должность к рукам. В книге её занял прежний владелец этого тела. Семья тогда во всеуслышание объявила, что облагодетельствовала его, отдав такое доходное место, но на деле Шэнь Юй не получил от этого ничего, кроме страданий.

Он вкалывал до седьмого пота, но зарплату никогда не видел — её забирали подчистую. Живя в доме Сяо, юноша вечно ходил впроголодь и до двадцати с лишним лет спал на той самой трухлявой доске, подвешенной под потолком. И при всём этом как сами Сяо, так и несведущие соседи в один голос твердили, что семья относится к нему на редкость хорошо, и он по гроб жизни им обязан. Как же иначе? Отдать такое место! «Железная чаша риса», за которую другие готовы глотки друг другу перегрызть.

Именно из-за этой работы прежний Шэнь Юй оказался навечно привязан к Сяо, превратившись в их безропотную рабочую скотину, отрабатывающую «великую милость».

Увы, судьба его была недолгой. Старик Сяо был искусным плотником-краснодеревщиком, но юноша не смыслил в этом ремесле. Сначала он помучился в учениках, а потом его перевели в малярный цех — красить мебель. В те времена о защите труда особо не заботились, а Шэнь Юй был молод, глуп и подсказать ему было некому.

Он каждый день дышал парами краски и лака без всякого респиратора. Слабое здоровье не выдержало такой нагрузки: ядовитые испарения сожгли лёгкие и трахею. В итоге любая физическая нагрузка или смена погоды вызывали у него приступы удушья — он дышал тяжело, с хрипом, словно ему постоянно не хватало воздуха. Больной и немощный в самом расцвете лет — горькая участь.

Собственно, та болезнь и стала одной из причин его преждевременной кончины.

Поэтому, едва осознав, что он попал в книгу, Шэнь Юй зарёкся принимать наследство старика Сяо. Что в этой работе хорошего? Зная коварство деда, можно было не сомневаться: любой,

кроме его любимчика Цзяхуэя, кто займёт это место, обречён на участь вечного батрака.

Юноша порой задумывался: раз он сбежал, кто же теперь пойдёт на завод?

В семье Сяо сейчас трое детей. Больше всех подходил Цзяхуэй, Цзяю же ещё совсем мал — ему всего шесть-семи лет. Цзясинь скоро исполнится шестнадцать, но она девчонка. На мебельной фабрике работали женщины, но в основном в бухгалтерии, отделе кадров или на складе — пробиться туда непросто. Да и не верил Шэнь Юй, что эта белоручка выдержит заводские будни.

Впрочем, его это уже не касалось. Пусть гадают сами. Но, судя по словам девушки, старик решил передать место одной из своих дочерей?

Насколько знал Шэнь Юй, у старика Сяо и его жены было три дочери и сын. Сын, Цзяньшэ, был третьим ребёнком, у него были две старшие сестры и одна младшая. Старшая — Сяо Хунмэй, средняя — Сяо Хунъин, и младшая — Сяо Хунли.

Скорее всего, место предназначалось либо Хунмэй, либо Хунли. Когда в стране началась обязательная отправка молодёжи в деревни, даже младшей было уже пятнадцать. Все четверо детей подходили под критерии. Чтобы спасти единственного драгоценного сына от сельской ссылки, старуха Сяо не раздумывая ушла на пенсию, отдав ему свою должность. Став кадровым рабочим, Цзяньшэ перестал считаться «образованной молодёжью» и остался в городе.

Из трёх дочерей старшая, Хунмэй, быстро сориентировалась и выскочила замуж. Брак был быстрым и не слишком удачным: муж был на восемь-девять лет старше и ростом не вышел, зато он был рабочим, и свекровь согласилась передать невестке своё место. С собой Сяо Хунмэй разобралась, но оставались ещё две сестры.

Хунли была слишком мала, чтобы последовать примеру старшей, но в школе она закрутила роман с парнем, чей отец занимал некий пост в комитете. Как они это провернули — загадка, но младшая сестра, хоть и числилась в списках, никуда не уехала. Через три месяца ей оформили документы о «тяжёлой болезни», и вопрос был закрыт. Спустя год она, даже не окончив школу, вышла замуж за того одноклассника. По возрасту расписаться они не могли, но свадьбу сыграли, и через пять месяцев она родила сына — первого внука в поколении Цзяньшэ.

И только Сяо Хунъин не смогла ни удачно выйти замуж, ни найти покровителей. У родителей для неё идей не нашлось, и она оказалась единственной из детей Сяо, кто отправился в деревню.

На самом деле у старика Сяо был способ оставить и вторую дочь в городе — он мог бы сам уйти на покой. Но он предпочёл отправить её в глушь. Нельзя сказать, что он был в корне неправ: когда на место приходит преемник, трудовой стаж обнуляется, и зарплата резко падает. Дед мог оправдываться тем, что ему нужно кормить семью и он не может лишиться высокого оклада. На деле же он просто не так сильно любил Хунъин. По крайней мере, не так, как

своего единственного сына.

В деревне Сяо Хунъин, как и Лян Фэнся, вышла замуж и осела. В город она так и не вернулась, и за все эти годы связь с семьёй Сяо почти оборвалась.

Шэнь Юй знал об этих делах давно минувших дней лишь потому, что в оригинальном романе семья Хунъин позже появилась на страницах в роли тех самых «несносных родственников». Но, пожив в этом мире, юноша перестал слепо верить букве книги. Факты он принимал к сведению, но выводы предпочитал делать сам.

В любом случае, время для появления этой семьи ещё не пришло. Да и не верилось Шэнь Юю, что старик Сяо вдруг восплачет муками совести и отдаст место этой дочери. Значит, выбор стоял между Хунмэй и Хунли.

Скорее всего, метили на Хунли. Старшая после замужества заняла место свекрови и до сих пор работала, не помышляя о пенсии. У младшей же судьба сложилась иначе. Когда она выходила замуж, её свёкор был в силе, семья жила в достатке, и беременную невестку никто не гнал на завод. Потом пошли дети, один за другим, и она окончательно превратилась в домохозяйку. Позже свёкор лишился поста, семья обеднела, и жизнь Сяо Хунли стала куда более пресной, а характер — желчным и колючим.

В памяти прежнего владельца тела сохранился один случай: как-то на праздник тётки приехали навестить родителей, и Шэнь Юй случайно наступил Хунли на туфлю. Та при всех лишь ласково улыбнулась и сказала, что ничего страшного, но в укромном месте так ущипнула мальчика, что едва кусок мяса не вырвала. С тех пор юноша до смерти боялся младшей тётки.

Шэнь Юй сильно сомневался, что Цзясинь удастся вырвать место из рук такой особы.

Сяо Цзяхуэй, судя по лицу, тоже был не в восторге от идеи сестры. Впрочем, им двигала скорее забота о ней: он считал, что Цзясинь нужно учиться и поступать в университет — это куда перспективнее, чем строгать доски на фабрике. Но разве такая упрямецка станет слушать советы? Стоило брату заикнуться об учёбе, как она тут же решила, что он просто не хочет ей помогать.

— Боишься, что я тебе дорогу перейду? — выпалила она в запале, не выбирая выражений. — Считаешь, что дедушка прав: пусть сначала тётка поработает, а потом место всё равно тебе достанется? С чего бы это? Я что, не ребёнок в этой семье?!

Цзяхуэй едва не задохнулся от возмущения. Автобус — не самое подходящее место для семейных разборок, особенно когда речь заходит о таких «жареных» темах. Мачехи, дележа наследства, склоки между братьями и сёстрами — это же самый сок для сплетников!

Не только Шэнь Юй, но и весь салон наострил уши. Разговоры стихли — всем было куда интереснее слушать этот живой спектакль. Пару старушек даже порывались вставить свои

пять копеек, но, наткнувшись на горящий яростью взгляд юноши, тут же передумали. «Ох, батюшки, неужто девчонка правду говорит? Гляньте, как глазами сверкает — чисто людоед!»

Юнь Байя готова была сквозь землю провалиться от стыда. Почему семья Сяо состоит из таких вульгарных и невоспитанных людей? Ругаться в автобусе, до хрипоты спора из-за какой-то должности... Как же это низко!

Лишь сейчас Цзясинь осознала, что брат по-настоящему в ярости. Она испуганно вжала голову в плечи. Хотя она так и не поняла, чем вызван этот гнев: неужели она и впрямь попала в самую точку?

Все трое замолчали, и в воздухе повисла тяжёлая, неловкая тишина. К счастью, автобус затормозил на остановке. Юнь Байя дёрнула Сяо Цзяхуэя за рукав, и они, не дожидаясь своей очереди, поспешно протиснулись сквозь толпу к выходу.

Цзясинь замерла в растерянности. Ушли... Просто взяли и ушли?

Пока она колебалась, двери захлопнулись. Она хотела было броситься следом, но брат с подругой уже скрылись из виду. У неё не было ни гроша. Уходя из дома, она рассудила: раз у невесты брата есть деньги, зачем ей свои? В итоге она не взяла ни фэни. Без билета в следующий автобус не сядешь.

Цзясинь в ярости стиснула зубы. Она-то надеялась, что раз у Цзяхуэя такая богатая невеста, ей перепадёт хоть какой-то подарок, а та оказалась сущей скрягой. Да и брат... теперь он думает только о своей девице, а на сестру ему плевать. Какое свинство!

— Чего уставились?! — рявкнула она на притихших пассажиров, срывая злость.

— Да кому ты нужна, больно надо на тебя смотреть! Нашлась цаца.

— И то верно: рот разевает, у чужих людей вещи кланчит. Бесстыжая.

— Даже брата родного довела до того, что сбежал...

Девушка не учла одного: здесь не было ни папочки, ни мамочки, которые стали бы ей потакать. Пассажиры принялись честить её на все лады, так что она едва не разрыдалась от обиды. Она бы и рада была выскочить из автобуса, но денег-то нет — пришлось бы топтать до самого дома пешком.

Шэнь Юй молча подтянул шарф повыше. Смотреть дальше было не на что, но от того, как знатно пропесочили Цзясинь, на душе у него стало поразительно легко.

«Эх, — подумал он, — какой же я всё-таки злодей. Настоящий антагонист».

Злодей вспомнил о своём «маленьком дурачке», оставленном дома, и сердце его смягчилось. К счастью, едва он сошёл на своей остановке, как увидел Шэнь Цяо. Тот ехал на пустом трёхколёсном велосипеде со стороны дома. Видимо, вернувшись и не обнаружив юношу, он забеспокоился и отправился на поиски.

Шэнь Юй почувствовал прилив нежности. Он подбежал к тележке и вкратце объяснил, почему задержался. Спутник молча выслушал его, кивнул в знак понимания и указал на маленькую скамеечку в кузове.

— Это мне? — переспросил юноша.

Шэнь Цяо снова кивнул, и в глубине его тёмных глаз промелькнуло ожидание. Шэнь Юй расплылся в улыбке, ловко запрыгнул в тележку и, устроившись поудобнее, хлопнул подопечного по плечу:

— Поехали домой!

Улыбка Шэнь Цяо стала шире, глаза засияли, словно две звезды. Он налёг на педали своей «допотопной колымаги», которую ещё недавно презирал, и с силой толкнул её вперёд.

Теперь, когда в кузове сидел Шэнь Юй, усилий требовалось куда больше. Но это прямое ощущение нагрузки дарило мужчине странное чувство: он словно на своих плечах нёс юношу вперёд. Опираясь лишь на собственную физическую мощь, он служил опорой для того, кто сидел сзади. Будущему человеку, привыкшему к совершенным технологиям, это дарило необычное понимание: он вдруг осознал истинную ценность такого примитивного транспорта.

Внезапно он почувствовал тяжесть на спине и на мгновение замер.

— Да Цяо, дай я на тебя обопрюсь, — раздался за спиной ленивый голос Шэнь Юя.

Тот развернулся спиной к спутнику и привалился к нему. Широкая и крепкая спина оказалась весьма удобной опорой.

Шэнь Цяо скованно повёл шеей, ничего не увидел и так же напряжённо замер. Его движения стали осторожнее, плавнее — он боялся лишним толчком потревожить юношу, прикорнувшего у него на плече.

Время пролетело незаметно, и настал канун Нового года.

Последние дни года, хоть торговать и не приходилось, выдались на редкость суматошными. В доме были только Шэнь Юй и Шэнь Цяо, и чтобы справить праздник честь по чести, пришлось изрядно потрудиться.

Первым делом затеяли генеральную уборку. Перемыли всё сверху донизу, хотя в новом доме и так было чисто — они переехали недавно, да и хозяин, любящий порядок, постоянно прибирался. Так что это дело много времени не заняло.

Затем настала очередь украшений: парные надписи «чуньянь», новогодние картины, хлопушки. Надписи помог составить один старик из соседей, мастер каллиграфии. К нему за этим делом ходили все, и никто не являлся с пустыми руками — несли семечки, арахис, сушёный батат. Шэнь Юй принёс тарелку свежепожаренных мясных шариков, и довольный старик вывел ему иероглифы на бумаге куда длиннее, чем у остальных. Эти свитки полагалось клеить в канун праздника, так что юноша пока бережно их припрятал.

Следующие дни прошли в кулинарном безумии. Кухня не остывала: там жарили, парили, варили и мариновали. Котёл с маринадом вечно побулькивал на плите, наполняя дом пряным ароматом. Благо, для торговли малатаном у них было несколько печей и прорва посуды.

Для Шэнь Цяо настали золотые времена. Когда Шэнь Юй жарил фрикадельки, тот следил за огнём, а юноша то и дело подхватывал палочками горячий шарик:

— Да Цяо, сними пробу!

Раз — и сочная тефтелька исчезала во рту.

— Ну как? — допытывался повар.

Подопечный энергично кивал — чем сильнее кивок, тем вкуснее. Тогда Шэнь Юй накладывал ему целую миску, а остальное убирал в запасы.

Едва пустела миска с фрикадельками, поспевала жареная рыба — и снова порция отправлялась к дегустатору. Следом шли куриные отбивные, наггетсы, крылышки, жареные рисовые лепёшки «няньгао», ломтики лотоса в кляре... Бесконечный поток хрустящих лакомств.

Шэнь Цяо принимал всё. Его желудок казался бездонным резервуаром из нержавеющей стали — он мог съесть сколько угодно. Иногда Шэнь Юй откладывал дела и присоединялся к нему. Они макали еду в соусы: острую пудру, зиру или сладкий чили.

Мужчина был абсолютно доволен жизнью, но краем уха слышал, как юноша ворчит, жуя курицу:

«Эх, без кетчупа всё-таки не тот коленкор. В следующем году обязательно сам наварю впрок»

Шэнь Цяо послушно запомнил новое слово — «кетчуп». Он понятия не имел, что это, но раз Шэнь Юй говорит, значит, штука стоящая. В следующем году он обязательно съест его побольше.

В отличие от яркого и простого вкуса жареного, маринады обладали куда более глубоким и насыщенным ароматом. Едва приготовились свиные ножки, Шэнь Юй выловил две штуки — себе и спутнику. Мясо было настолько нежным, что буквально таяло на языке, наполняя рот густым, клейким мясным соком. И при этом волокна оставались сочными, позволяя в полной мере насладиться вкусом. Шэнь Юй тоже решил, что свиные ножки — это объедение, и тут же принялся за вторую.

Шэнь Цяо знал — это свиные копыта.

Год назад... нет, всего полгода назад, если бы кто-то сказал ему, что он будет с упоением грызть чьи-то ноги, он бы заставил наглеца самого отведать собственных стоп, да ещё и вниз головой. Но сейчас... боже, как же это вкусно! Дайте ещё одну!

Шэнь Юй и сам не мог оторваться. Хорошо, что он накупил их с запасом. Перед праздниками все охотились за жирным мясом, так что юноша с радостью скупил целую гору «непопулярных» частей: свиные уши, ножки, хвосты, ребрышки. Вообще-то, свиная требуха тоже чудо как хороша, если её правильно приготовить, но Шэнь Юю не хотелось возиться с чисткой, так что он решил себя не утруждать.

Маринад у него получился отменный, и всё, что в нём варилось, было божественно на вкус. Даже маринованные яйца пахли так, что слюнки текли. Шэнь Цяо заглатывал их в два счёта — одно за другим, пока не уничтожил десяток за присест.

Юноше страшно хотелось привести старуху Сяо и показать ей это зрелище: она-то ворчала, когда он съедал шесть яиц! Вот, посмотри, тёмная ты женщина, как люди едят!

Маринованные крылышки, лапки — всё исчезало в недрах Шэнь Цяо с поразительной скоростью. Впрочем, он честно отработывал свой хлеб. Шэнь Юй был занят готовкой, а всех кур и уток — больше десятка птиц — забил именно помощник. Его даже учить не пришлось: он действовал с пугающей, профессиональной сноровкой.

Шэнь Юй также приготовил котёл с острым маринадом для утиных потрохов. Вкус был сладко-острым: чем больше ешь, тем сильнее жжёт, и тем нестерпимее хочется ещё. В такие моменты нельзя было пить горячую воду — можно было сразу воспарить к небесам от остроты.

Пива или колы, конечно, не хватало, но юноша сварил сладкое рисовое вино. Охлаждённое, оно было просто божественным: грызёшь утиную шею, запиваешь ледяным глотком — и острота отступает, оставляя лишь приятную свежесть.

Воспоминания об этом времени на долгие годы станут для Шэнь Цяо эталоном Нового года —

бесконечный праздник вкуса. Целый день они сидели вдвоём, пробуя то одно, то другое. До полноценного обеда дело ещё не дошло, а Шэнь Юй уже наелся до отвала. Желудок был полон, но душа всё ещё требовала продолжения банкета. Глядя, как спутник продолжает с энтузиазмом поглощать еду, юноша даже приуныл и от скуки принялся его задирать.

Шэнь Цяо, решив, что тот просто хочет ещё, протянул ему свой кусок. Шэнь Юю стало даже совестно: ну что за детство в одном месте играет? Наверное, это общение с подопечным так на него действует — заразился простотой. Юноша без тени сомнения свалил вину на Цяо: тот всё равно не узнает, а значит, возражать не станет.

В общем, праздник удался на славу.

Раньше Шэнь Юй всегда был один. Праздники не радовали его — сколько ни суетись, в конце концов ты всё равно останешься наедине с собой. Смысла в этом было мало. Но в этом году у него был самый благодарный зритель в мире. Пусть Шэнь Цяо молчал, но каждым своим жестом он кричал:

«Шэнь Юй, ты лучший! Шэнь Юй, ты гений! Как же ты великолепен!»

Окрылённый таким признанием, юноша приготовил невероятно роскошный праздничный ужин. И хотя половина блюд исчезла в Шэнь Цяо ещё до того, как их успели подать на стол, а вторую половину они весело доели вдвоём... ну, в конце концов, цель достигнута — животы полны!

Сытно пообедав, они перешли к обязательной программе: клеили надписи и пускали хлопушки. Парные свитки клеил Шэнь Цяо — при его росте никакие табуретки не требовались, он просто протягивал руку и крепил бумагу под самый козырёк. Шэнь Юй завистливо вздыхал, но была и хорошая новость: он втихомолку измерил свой рост и обнаружил, что на хороших харчах подрос ещё немного. Теперь в нём было уже больше метра семидесяти четырёх — до заветных ста восьмидесяти рукой подать!

Хлопушки юноша запускал сам. Что уж греха таить — хотелось самому окунуться в детство. Поджёг фитиль и бежать! Сзади оглушительно затрещало, и Шэнь Юй с разгону влетел в объятия Шэнь Цяо. Тот, хоть и вздрогнул от неожиданности, мгновенно укрыл его за своей спиной. Лишь осознав, что этот шумный предмет не несёт никакой угрозы, кроме грохота, Цяо расслабился.

Он не понимал, зачем поджигать такие странные штуки, но лицо Шэнь Юя, зажимающего уши, сияло такой ослепительной улыбкой, что в его глазах, казалось, отразились все звёзды ночного неба. Это было прекраснее любых галактик, которые когда-либо видел Шэнь Цяо.

Он медленно прижал руку к груди. Сердце под ладонью билось слишком часто, вызывая странное чувство, будто ритм жизни окончательно сбился.

— Шэнь Цяо! — сквозь треск петард юноше приходилось кричать во весь голос.

Тот повернулся. Лицо Шэнь Юя было озарено счастьем:

— С Новым годом!

Шэнь Цяо на мгновение замер, а потом негромко произнёс:

— Шэнь Юй, с Новым годом.

Слова давались ему с трудом, непривычно. Он никогда не был немым, просто поначалу не понимал местного языка и долго, кропотливо учился.

Шэнь Юй улыбался, но вдруг застыл как вкопанный. Ему не послышалось? Ему показалось, или Шэнь Цяо и впрямь ответил ему? И голос у него... удивительно приятный.

«Да нет, — подумал он, — не может быть. Наверное, хлопнушкой ухо заложило»

Испугавшись, он схватил мужчину за руку и потащил в дом. За закрытой дверью шум улицы стал тише.

— Ты... ты сейчас что-то сказал? — с замиранием сердца спросил Шэнь Юй.

Шэнь Цяо улыбнулся и отчётливо повторил:

— Шэнь Юй, с Новым годом. — Он тихо рассмеялся, и голос его прозвучал бархатисто и глубоко: — Ты об этом спрашивал?

Шэнь Юй пребывал в полном оцепенении:

— Ты... ты заговорил? Ты умеешь говорить?!

Шэнь Цяо помедлил. Он не хотел лгать, но и правду открыть не мог. В итоге он уклончиво ответил:

— Раньше... произошёл несчастный случай.

Вспомнив, в каком состоянии он нашёл Цяо, юноша мгновенно дорисовал в воображении картину жутких испытаний и понимающе закивал:

— Повредил горло, да? И что, теперь всё в порядке?

— Всё в порядке, — спутник замялся. Его познания в языке были ещё не идеальны, но для простого общения их должно было хватить.

— Ох! — вдруг вскрикнул Шэнь Юй. — У тебя же было повреждено горло! А ты все эти дни метал в себя всё подряд — и острое, и жареное! Ты что, совсем о себе не думаешь?!

— Да нет, мне уже не... — начал было Шэнь Цяо.

— Никаких возражений! — отрезал юноша. — Теперь ты на строгой диете. Никакого острого. И жареное — все эти отбивные и крылышки — тоже под запретом, от них только жар в горле. Ближайшее время будешь есть только лёгкую пищу: я буду варить тебе пустой рис и пресную лапшу.

— Да не нужно мне... — Спутник попытался сопротивляться. У него с горлом всё было в полнейшем порядке!

— Решено! — Шэнь Юй хлопнул ладонью по столу, не оставляя места для дискуссий. — Взрослый человек, а за языком уследить не можешь.

Шэнь Цяо замолчал. Юноша продолжал улыбаться, лучась заботой и участием.

Но внутри него маленький чертёнок мстительно скалил зубы. Ишь, голос какой! Таким голосом только на радио вещать, ни сучка, ни задоринки. Какое там «только что зажило»? Шэнь Юй прекрасно знал, как звучит голос после травмы или болезни — охрипший, дребезжащий, как разбитая кастрюля.

Этот хитрец явно давно уже мог говорить, просто притворялся немым. Каждый день кивал да головой мотал — и ведь не лень ему было!

Ну хорошо, голубчик. Раз ты решил поиграть в актёра, я тебе устрою бенефис.

«Посмотрим, кто кого переиграет»

Шэнь Юй ласково улыбнулся. Раз твоё горло только-только «пришло в норму», значит, с сегодняшнего дня мы переходим на вегетарианство. Точнее — ты переходишь на каши, а я продолжу пировать!